

КАК ВЕРНУТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

уважаемые читатели!

Сквозная тема этого номера журнала — промышленная политика — продиктована тем, что, на наш взгляд, проблемы промышленной политики в современных условиях актуальны как никогда, потому что на дворе — новая индустриальная революция. К сожалению, понимание этого факта пришло поздно, через ошибки, заблуждения и потери, которые понесла российская экономика в период постсоветского развития. Напомню, что «промышленная политика» в те времена была ругательным термином, а потом и вовсе исчезла из нашего законодательства. Лишь в 2014 году появились первые законодательные решения по этому вопросу.

Возникает резонный вопрос: с чем это было связано? Это было связано с двумя важными институциональными и принципиальными вещами. Первое. В основе российской (и не только российской, такая ситуация была во многих странах) экономической политики до недавнего времени лежала либеральная экономическая доктрина, которая низводила роль государства зачастую до положения ночного сторожа и ориентирована была на представление об исключительно высокой эффективности рыночного саморегулирования. Практика показывает, что это далеко не так. Второе — это теоретические предпосылки. В нашей стране в последние десятилетия превалировала базовая концепция постиндустриального общества, в которой делается акцент на переход экономики в область услуг в ущерб промышленности. Попросту говоря, обосновывалась естественная необходимость снижения доли промышленности в процентном отношении. На мой взгляд, в целом эти выкладки не подтверждаются.

Я сделал бы другой вывод из тех фактов, которые свидетельст-

вуют о снижении процентного отношения доли промышленности в экономике: думаю, правильно считать, что качественные изменения происходят в самой структуре промышленного производства — изменяется характер производства, изменяются технологии, изменяется технологический уклад, который составляет базу развития общества. Это главный вывод, который делает Институт нового индустриального развития, и я как его директор.

Я бы обратил внимание на еще одну вещь: да, доля промышленности снизилась, но если взять сельское хозяйство, то его вклад упал и вовсе до незначительных процентов. Что, от этого снизилась значимость сельского хозяйства? Мы стали питаться воздухом и услугами? В постиндустриальной доктрине заложена методологическая неполноценность, которую подтверждают ответы на эти простые вопросы.

Думаю, что мы сейчас находимся в состоянии перехода к новому технологическому укладу, переходу к новому индустриальному обществу второго поколения — я об этом писал неоднократно. Этот тренд требует изменения нашего отношения к промышленной политике, изменения на уровне государства, на уровне общества, потому что лидеры будущего, я подчеркиваю, — это технологические лидеры. Те, кто сегодня это понимает, занимаются созданием новой промышленной политики, изменением структуры своего собственного производства.

Возьмем те же США. Эту политику начинал вовсе не Трамп, а Обама. Трамп же напрямую заявляет о необходимости возвращать производство в Америку, при этом декларирует создание 2–2,5 млн новых высокотехнологичных рабочих мест. Не 27 млн, как у нас, для Америки 2 млн таких мест — это очень важная цифра, за которую борется Трамп, а иногда и шишки получает. Если мы не идем таким же путем, не занимаемся развитием своей промышленности, мы не достигнем тех же результатов.

Одно из направлений исследований нашего коллеги академика Сергея Глазьева посвящено стратегии опережающего развития. Его книгу «Рывок в будущее» мы подробно представляем в этом номере. Одна из основополагающих идей этого труда, и я ее абсолютно четко поддерживаю, заключается в том, что в период перехода на новый технологический уклад, когда изменяются технологии, есть реальный шанс обойти тех, кто пока лидирует, но использует технологии прежнего уклада (в силу многих вещей: инерционности промышленности и т. д.). В более пустом пространстве построить новое проще, чем расчищать завалы или сносить устаревшее. В этом плане у нас есть многое для того, чтобы сделать страну мощной индустриальной державой нового типа с промышленностью нового типа.

Еще один вопрос, который я хотел бы затронуть: а где взять деньги? Часто, когда мы говорим о реиндустриализации, о необходимости перехода к новым технологиям, задают вопрос: за чей счет банкет? Мы об этом много говорили. Если мы даем возможность инвесторам, создавая соответствующий климат, вкладываясь, то деньги приходят через соответствующие институты, частно-государственное партнерство и т. д. При этом мы не должны забывать наши резервы — я всегда об этом говорю. У нас сегодня фигурирует цифра 8 трлн рублей, которые нужны, чтобы пустить их на какие-то важные проекты, но что такое 8 трлн рублей? Сравнив эту сумму с нашими золотовалютными резервами, мы поймем, что это — всего лишь их третья часть, даже меньше. Вспомним, сколько денег мы потратили на борьбу с прежними кризисами? Не больше 300 млрд! У нас есть резерв на все такие кризисы. Переразмеренность резервов дает шанс идти правильным путем — потратить их часть на развитие промышленности. Другое дело, как именно будут израсходованы эти деньги. За это сегодня идет борьба.

Мы, обсуждая промышленную политику России, должны четко понимать, что от того, что мы решим, о чем договоримся, что предложим, может зависеть формирование той экономической модели, в которой промышленность будет не забыта, а вернется на первое место.

Сергей Бодрунов

Главный редактор
журнала «Вольная экономика»